

«РЕВНОСТНУЮ СВОЮ ВЕРНОСТЬ ПОКАЗАЛИ...» МУНДИР И АМУНИЦИЯ ЛЕЙБ-КОМПАНИИ 1742–1762 гг.

Кирилл Татарников
Соавтор — Вадим Егоров

Елизавета Петровна, возведенная на российский престол в ночь на 25 ноября 1741 г. гренадерской ротой лейб-гвардии Преображенского полка, воистину по-царски наградила своих сподвижников. Указом от 31 декабря 1741 г. рота была отделена от полка и преобразована в Лейб-компанию¹, всем строевым чинам которой жаловалось дворянство. Звание рядового вновь учрежденного корпуса приравнивалось к чину армейского поручика (впоследствии некоторые рядовые были повышены до капитана); вице-капрал считался капитан-поручиком, капрал — капитаном, квартирмейстер и подпрапорщик — секунд-майорами, вице-сержант — премьер-майором, сержант — подполковником, прапорщик — полковником, адъютант — бригадиром. Подпоручиками в чинах генерал-майоров стали действительные камергеры Петр и Александр Шуваловы, поручиками в чинах генерал-лейтенантов — действительные камергеры Михаил Воронцов и фаворит Елизаветы Алексей Разумовский, капитан-поручиком в чине полного генерала — генерал-фельдцейхмейстер ландграф Людвиг Гессен-Гомбургский. После его смерти звание капитан-поручика получил Разумовский (с 25 ноября 1745 г.). Капитаном числилась сама государыня. С созданием Лейб-компания оказался возрожден и корпус Кавалергардов, упраздненный в предыдущее царствование, — некоторые из обер-, унтер-офицеров и рядовых имели кавалергардскую экипировку. Обязанностью роты было несение караулов при особе императрицы.

Водночасье получившие дворянство и офицерские звания, вчерашние солдаты, для большинства которых подобная карьера не могла привидеться и в самых смелых мечтах (из 267 рядовых, поименованных в указе о создании Лейб-компания, дворянами были только 30), оказались морально не готовыми к тому положению, на которое их столь стремительно вознесло волей случая. Свою службу — быть телохранителями государыни — они расценили не как почетную обязанность, а как необременительную и хорошо оплачиваемую должность; приближенность ко двору — как вседозволенность. *«Рота эта творила всевозможные бесчинства в первые месяцы пребывания двора в Петербурге. Господа поручики посещали самые грязные кабаки, напивались допьяна и валялись на улицах в грязи, — писал очевидец о первых днях нового царствования. — Они входили в дома самых знатных лиц с угрозами, требуя денег, и без церемонии брали то, что приходилось им по вкусу; не было возможности удержать в порядке этих людей, которые, привыкнув всю жизнь повиноваться палке, не могли так скоро свыкнуться с более благородным обращением».*

---

¹ Leib-Compagnie (нем.) — лейб-рота.

Не изменилось положение и в дальнейшем. Случаи самовольного ухода с караула или из-под ареста, пьяные драки (во время которых, бывало, брались за оружие), хулиганство носили характер заурядного явления. Эти и многие другие проступки, даже преступления, по большей части сходили им с рук, благодаря снисходительности Елизаветы Петровны. Если дело всё-таки кончалось судом, наказание бывало очень мягким. Виновных, как правило, штрафовали вычетом из жалованья или вовсе прощали, с предупреждением, чтобы *«впредь весьма таковых поступков береглись»*. За серьезные провинности переводили в армейские полки. Возбуждавшая всеобщее недовольство, Лейб-компания была упразднена вскоре после смерти Елизаветы.

Основным источником для настоящей статьи послужили делопроизводственные материалы канцелярии Лейб-компании. После расформирования роты они были переданы в Военную коллегия, а оттуда, вместе с прочей документацией, утратившей свое практическое значение, — в Московское отделение архива Инспекторского департамента Главного Штаба, образованное по указу от 7 февраля 1819 г. Там документы корпуса вошли в состав описи № 120. В 1925 г. Московское отделение архива Инспекторского департамента и ряд других архивов русской императорской армии были объединены в Военно-исторический архив РСФСР (ныне — Российский государственный военно-исторический архив).

Делопроизводство корпуса сохранилось практически полностью. До настоящего времени дошли все ежегодные связки дел по канцелярии роты, однако документы о *«строении»* мундирных вещей были включены в них лишь однажды, в связку за 1742 г., а в дальнейшем переплетались в отдельные книги. Последних, к нашему сожалению, уцелело немного. Дела о мундирном *«строении»* за 1743–1749 и 1761 гг. были утеряны, очевидно, еще до передачи в архив Инспекторского департамента (заголовки их в описи отсутствуют). На данный момент в фонде Лейб-компании (№ 32) находятся мундирные дела за 1742, 1751–1759 и, частично, 1761 гг.

Первый и единственный раз униформа корпуса была описана в 3-й части *«Исторического описания одежды и вооружения российских войск»* под редакцией А.В. Висковатова. В основу трех с половиной страниц текста (2-е издание) легли следующие источники: *«Описание коронации государыни императрицы Елизаветы Петровны»* (СПб., 1744), *«Краткая история Кавалергардского Ее Величества полка»* (СПб., 1832) и *«Московского отделения архива Инспекторского департамента Военного министерства книга Приказного повытья Лейб-компании № 201»*. Рассмотрим их по порядку.

«Описание коронации...» представляет собой серию нераскрашенных гравюр, изданных в 1744 г. Размер показанных на них фигурок не превышает пяти сантиметров и дает самое общее, скорее даже — символическое изображение персонажей. *«Краткая история...»* Кавалергардского полка отводит описанию одежды и вооружения кавалергардов одну главу, основанную на 9-й части известного труда И.И. Голикова *«Деяния Петра Великого...»* (М., 1789) и воспоминаниях иностранцев о Кавалергардском корпусе, участвовавшем в церемонии коронации императрицы Екатерины I в 1724 г. По мнению автора *«Краткой истории...»*, до времени царствования Елизаветы Петровны обмундирование кавалергардов оставалось неизменным.

Однако наибольшее количество вопросов вызывает третий источник. Смущает сам термин *«Приказное повытье Лейб-компании»*. Повыття являлись струк-

турными подразделениями крупных административных учреждений — таких, как Военная коллегия, в составе которой функционировали Армейское, Гарнизонное, Ландмилицкое, Гусарское и ряд других повытгий, отвечавших за целый род войск или направление деятельности, согласно своему наименованию. *Лейб-компанского* повытгья в Военной коллегии (а равно и в других учреждениях) не могло быть хотя бы по той причине, что рота не подчинялась никому, кроме своего капитана; ее канцелярия была тем же, что «*полковые штабы*» лейб-гвардии. С любым центральным учреждением она сообщалась «*промемориями*» — как равная с равными. Но даже если не придирается к заголовку и считать, что так была поименована канцелярия роты, вопросов не становится меньше. Ни одна книга из фонда Лейб-компания не имеет № 201 — ни по описи XIX в., ни старого делопроизводственного...

Одно несомненно: составители «*Исторического описания...*» использовали какое-то подлинное дело корпуса, поскольку два первых источника содержат сведения только о кавалергардах и совсем не касаются гренадерского убора Лейб-компания. Попавший к Висковатову документ (судя по ряду признаков — уже второй половины 1750-х гг.), разумеется, не дает полной картины обмундирования роты за весь период ее существования. Одни детали униформы были, как видно, домыслены составителями (по аналогии с гвардейскими и армейскими полками); многие — не упомянуты (по неимению аналогов); другие же (вроде красных кафтанов барабанщиков и флейтчиков) — следует, по всей вероятности, считать плодом фантазии. Поскольку сейчас эти данные не поддаются проверке, полемика с «*Историческим описанием...*» нам представляется лишеной смысла. Мы также не будем рассматривать вещи из музейных собраний, которые традиционно считаются «*лейб-компанскими*», — кожаные гренадерские шапки, покрытые красным сукном; амуницию неизвестного нам происхождения (с «*арматурой*», очень напоминающей голштинские образцы) и т.д. Скажем только, что в сохранившихся документах мундирного и амуничного «*строений*» Лейб-компания о них нет ни слова.

Прежде чем приступить к описанию лейб-компанской экипировки, необходимо вкратце остановиться на структуре корпуса. Количество офицеров всегда оставалось неизменным. Во главе роты стоял капитан: с момента учреждения корпуса эту должность занимала сама Елизавета Петровна, а после ее смерти — император Петр III. Заместителем капитана и фактическим командиром роты был капитан-поручик. Кроме них, в штате значились два поручика, два подпоручика, адъютант и прапорщик.

Основу корпуса составляли 300 рядовых гренадеров (некоторые из них «*правили должность*» ефрейторов). Сержанты, вице-сержанты, подпрапорщик и квартирмейстер относились к категории унтер-офицеров; капралы и вице-капралы стояли особняком. Все остальные чины считались «*заротными*» или нестроевыми. Первый штат роты был определен указом о ее создании (31 декабря 1741 г.); последующие изменения можно установить только по ведомостям о постройке мундирных вещей (смотри таблицу ниже). Надо отметить, что личный состав роты периодически пополнялся, причем новопожалованные лейб-компанцы, уже не имевшие отношения к ноябрьским событиям 1741 г., как правило, встречали неприязнь со стороны «ветеранов».

Отметим также, что в нашей статье затронут лишь незначительный аспект истории роты. Объем находящегося в фонде документов — редкий случай, когда архив отдельно взятой воинской части XVIII в. сохранился столь полно, — позволяет воссоздать любые подробности: прохождение службы, домашний быт, нравы, биографии «гранодеров» и членов их семей, вплоть до архитектурных планов отведенных им зданий. Тома лейб-компанских дел — массивные, в добротных кожаных переплетах, — занимают целый стеллаж в одном из архивохранилищ РГВИА.

ШТАТЫ ЛЕЙБ-КОМПАНИИ

СТРОВОЫЕ ЧИНЫ	1741	1751	1753	1755	1757	1759
старших сержантов	8	8	8	8	6	9
вице-сержантов	6	4	4	4	6	9
подпрапорщик	1	1	1	1	1	1
квартирмейстер	1	1	1	1	1	1
старших капралов	12	9	12	12	12	16
вице-капралов	12	14	12	17	17	12
гренадеров	300	300	300	300	301	300
ЗАРОТНЫЕ ЧИНЫ						
штаб-лекарь	–	1	1	1	1	1
лекарь	1	1	1	1	1	1
подлекарь	1	1	1	1	1	1
фельдшер	3	6	8	8	9	9
писарь	1	1	1	1	1	1
копиистов	1	7	8	8	12	12
барабанщиков	4	5	5	4	4	4
флейтчиков	4	4	4	4	4	4
священник	–	1	1	1	1	1
дьякон	–	1	1	1	1	1
церковный староста	–	1	1	1	1	1
дьячков	–	2	2	2	2	2
Итого	355	368	372	376	382	386

ПЕРВЫЙ МУНДИР

Уже в самом начале 1742 г. 134 гренадера, девять вице-капралов, 11 капралов, квартирмейстер, три вице-сержанта, восемь сержантов, прапорщик, два подпоручика, два поручика, капитан-поручик и капитан (сама императрица) получили новый мундир¹. Словесным приказом от 5 января велено: «1) На унтер-офицеров,

¹ Под словом «мундир» в то время, как правило, понимался весь комплект верхней одежды — кафтан, камзол и штаны. В нашей статье мы также будем придерживаться этой терминологии.

капралов и вице-капралов раздать мундир и шапки. 2) Завтрашнего числа, по полуночи во 8-м часу, привести всех гранодеров, на которых отдан новый мундир, в большой зал, и чтоб оные были во всякой чистоте и исправности, и все б были в сапогах [и] в щибель-манжетах. 3) А господа б офицеры были в строевом мундире и в шляпах, а у кого кожаных щиблет нет, то б были в сапогах». После смотра вещи указано возвратить в швальню, «где их по каждому человеку переправить, а особливо того смотреть, чтоб камзолы в порядочную длину были, а не так, как иные — очень долги, — а штаны были б в надлежащей препорции», и не раздавать до тех пор, пока не будет готово всё обмундирование. На следующий день, 7 января 1742 г., этот приказ был отменен — «новопостроенный» мундир решено исправить прямо на людях, согласно указаниям, данным от ландграфа Гессен-Гомбургского прапорщику (впоследствии — адъютанту) Лейб-компания Гринштейну.

Других подробностей об этой униформе не сохранилось. Вряд ли за столь короткий срок (с момента переворота прошло чуть больше месяца, а после объявления указа о создании Лейб-компания — лишь несколько дней) на сто с лишним человек успели сделать новое платье. Скорее всего, это были вещи, изготовленные еще для гренадерской роты Преображенского полка, только, в связи с изменившимися обстоятельствами, более тщательно подогнанные по фигурам и, быть может, украшенные позументом. Все переделки, по-видимому, завершились на исходе января 1742 г., когда новые мундиры были, наконец, приняты, а старые «солдатские», в которых гренадеры совершили переворот, — отданы в Преображенский полк, где формировалась новая гренадерская рота.

Одновременно, в декабре 1741 г., началась закупка материалов на пошив собственно лейб-компанской униформы. Ее образцы Елизавета продемонстрировала иностранным посланникам, один из которых (англичанин Эдвард Финч) написал о них: «...the coat of plain green cloth, the cuffs the same, and red waistcoats, both as good as the officers now have. The under-officers have a double lase of gold on the sleeve»¹. Себе, по словам Финча, императрица заказала гренадерскую шапку и «амазонку» (amazon dress). В феврале 1742 г. оружие, подряженные на тот момент сукна и мундирный приклад были отправлены в Москву, где 25 апреля Елизавета Петровна короновалась на российский престол.

В дальнейшем кафтаны, камзолы, штаны и позумент обновляли каждые два года (в 1743, 1745, 1747, 1749, 1751, 1753, 1755, 1757, 1759 и 1761 гг.) к 25 ноября, годовщине переворота. Гренадерские шапки, оружие и амуниция заменялись по мере износа. Галстуки, косы, нижнее белье и обувь лейб-компанцы приобретали за собственный счет. Тем же порядком, скорее всего, покупали перчатки, хотя упоминаний о них нам почему-то не встретилось².

Боеприпасы ограничивались патронами к ружьям, которые заряжали всякий раз, заступая на караул. Порох для патронов требовался самый лучший и мелкий — «ручной полированный» (называемый так в отличие от более крупных «фузейного» и «пушечного»). 26 февраля 1742 г. Лейб-компания одолжила в гренадерской роте

¹ «...кафтан из обыкновенного зеленого сукна, с такими же обшлагами, и красный камзол — оба добротой против тех, какие имеют теперь офицеры. Унтер-офицеры имеют двойной золотой позумент на рукаве» («двойной» — в данном случае, видимо, нашитый в два ряда).

² Лосиные перчатки полагались солдатам гвардейской пехоты; той же моде, в дополнение регламента, следовали многие армейские пехотные полки.

лейб-гвардии Измайловского полка 15 ружей со штыками, 15 подсумков с патронами и 15 чугунных «чиненых» (боевых) гранат. В дальнейшем ни гранаты, ни фитиль — непереманные спутники «гранодера» — в документах не упоминаются. Их отсутствие можно объяснить придворным характером службы роты, а также, вероятно, соображениями безопасности (с учетом морального облика некоторых чинов).

Обмундирование Лейб-компании строилось из дорогих импортных материалов и, как правило, мастерами-иностранцами. Почти все эти годы сукно, ста-мед, позумент и пуговицы поставлял купец Николай Грен (Graan); в 1759–1761 гг. — Семен Роговиков. Медный прибор на шапки и амуницию, эфесы палашей в 1742 г. изготовил московский фабрикант Иван Марков, издавна работавший на армию; в 1750-х гг. — пуговичный мастер Карл Форшман. Амуничные ремни в 1742 г. были куплены у ремесленников Нарвы, Ревеля, Дерпта и Риги, славившихся отличной выделкой кожи; в 1750-е гг. амуницию ставил перчаточный мастер Карл Гильдебранд.

ГРЕНАДЕРСКИЙ УБОР

Все строевые чины, а также барабанщики, флейтчики и писарь носили гренадерские шапки. В январе 1742 г. *«высочайше повелено лейб-гвардии в полках на гранодирских шапках и сумах иметь прибор так, как и прежде был. А понеже в правление принцессы Анны [Леопольдовны] велено было гранодирский прибор на шапки делать против апробованного образца, против которого лейб-гвардии в Преображенском полку подрядом на триста на двадцать на семь человек было и сделано, и по высочайшему Ее Императорского Величества соизволению велено все те приборы отдать на Лейб-компанию»*. Проще говоря, на гренадерские шапки гвардейской пехоты возвращался медный прибор, который украшал их во времена царствования императрицы Анны Иоанновны, а Лейб-компания получала прибор и шапки, изготовленные для гвардии в 1741 г.¹

Главное отличие от прежнего, анненского, образца состояло в том, что шитье «пряденым золотом», расположенное «вкруг шапок и около козырей», заменили медные «окладки» или «окладные прутья»² — *«...сделано подрядом и покупкою от полку*

¹ Обмен коснулся только гренадерских шапок. Прочие вещи с символикой низложенного «правления» пришлось переделывать. *«Понеже лейб-гвардии в Семеновском полку, — докладывал императрице в марте 1742 г. подполковник Андрей Ушаков, — в гранодерскую роту сделаны на сумы и подсумки на двести на шестьдесят на шесть сум и подсумков вензели с именем принца Иоанна, которые надлежит отставить. И, во оные сделав вкладки — высочайшее Вашего Императорского Величества имя, — сего марта ...-го дня для всемилостивейшей апробации Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше были представлены, которые не апробованы. И по высочайшему Вашего Императорского Величества изузному указу всемилостивейше повелено оные вензели сделать новые с высочайшим Вашего Императорского Величества именем, которых за сделание на заплату потребно денег на каждую суму и подсумок за две штуки по пяти рублей, а за все — тысяча триста тридцать рублей»*.

² В униформологической литературе (да и в музейных атрибуциях) бытует мнение, что золотое шитье является принадлежностью гренадерских шапок офицеров или хотя бы унтер-офицеров гвардии. Между тем, по крайней мере с 1735 г. все без исключения гренадерские шапки гвардейской пехоты расшивались золотом по «налобнику» и «обишке» (вокруг тульи). Когда в 1743 г. рассматривался проект о замене в армейских полках суконной гренадерской шапки образца 1731 г. на кожаную, как в полках лейб-гвардии, Комиссариат особо подчеркивал, что *«около шапки кайма будет шита белью, а не золотом»*.

[Преображенского] со всем прибором двести гранодирских шапок, которые обошлись каждая по поставке московского пуговичной фабрики содержателя Ивана Маркова: герб, задник с вензелем и, вместо шитья, около шапок и козырей и поперек по швам прутья, и шишки медные золоченые — по девяти рублей по пяти копеек, да сверх того кожи — козлов и пумпу — и прочих припасов на каждую [шапку] по одному рублю по шестнадцати копеек с четвертью с шестю на десять (16-ю. — Авт.) долею и прочими дробными долями». Вместе с готовыми головными уборами в Лейб-компанию поступил медный прибор еще на 127 шапок: «гербы незолоченые» — 127, «шишки незолоченые» — 127, «гранаты незолоченые» — 127 пар, «обручи длинные незолоченые» — 254 пары, «обручи же короткие незолоченые» — 127 пар, «около шапок обшивки золоченые» — 127 пар, «около козырей обшивки золоченые» — 127 пар.

Очевидно, точно такие же шапки передали семеновцы. В феврале 1742 г. «за взятые лейб-гвардии Семеновского полку гранодерские шапки с приборами медными и вызолоченными присланному из одного полку от комиссарских дел прапорщику Волженскому» было отсчитано 1.748 рублей 25 копеек. Исходя из стоимости шапок Преображенского полка (чуть больше 10 рублей за штуку), можно предполагать, что от семеновцев рота приняла около 170 шапок.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют весьма подробно описать головной убор Лейб-компания. Итак, гренадерская шапка делалась из пумповой кожи в виде круглой тульи с двумя пришитыми козырями — вертикальным передним и почти горизонтальным задним. Козыри, предположительно, подшивались с изнанки красной козловой кожей. Медный, а точнее — латунный прибор с червонной позолотой включал герб на переднем козыре; две гранаты, «что по сторонам гербу у шапок прибиваются»; задник с вензелем и «коронкой»; шишку, «что на верх шапок ставится», и три разновидности прутьев или обручей: одна пара «для окладки кругом герба на козыре»; одна пара, «что снизу по краям окладывается шапка»; две пары длинных и одна пара коротких, «что окладываются по швам шапки». Крепился прибор, по-видимому, медной проволокой.

Периодически починяемые и подправляемые, эти шапки прослужили до начала 1756 г. К тому времени их внешний вид оставлял желать лучшего: «...шапки, как на унтер-офицерах, так и на гранодерах весьма ветхи, от жару и от дождей истрескались, и ежели соблаговолено будет вновь те [старые] гербы позолотить, то уже на оные шапки накладывать [их] невозможно». В конце концов, «на полный комплект» сделали и новые гренадерские шапки, и новый прибор к ним — 342 комплекта «шапочной латуни с гербами и со всем прибором», — а старые кожаные тульи и ломаную медь продали с публичного торга.

Судя по всему, новый прибор представлял собой копию старого. Несмотря на то, что его сделали на полный комплект, в дополнение к нему «за ветхостью ... в число к старой амуниции» было изготовлено еще 78 гербов, 168 штук «короткой латуни», 161 штука «боковой латуни» и 536 штук «тулейной же латуни, которой располагается на каждую шапку по 4 штуки».

Шапку украшали перья африканского страуса¹. В апреле 1744 г. французские купцы Альберт и Симон заключили контракт на поставку 1.962 белых и

¹ Хотя гвардейцы уже не первый десяток лет носили на шапках страусовые плюмажи, непосредственный источник этого великолепия оставался для них курьезом. В «памятной книжке» поручика Семеновского полка Александра Благово читаем: «В 1737-м году птица дивная привезена

9.585 пунцовых «плимажей» для Лейб-компания, «во всём против данного им на бумаге запечатанного образца длиною девять вершков». В октябре того же года были сделаны семь офицерских, 39 унтер-офицерских, 250 гренадерских, восемь барабанщицких и флейтщицких «перьев». Обратите внимание: то, что сейчас мы назвали бы «плимажем», тогда чаще именовали «пером», а отдельные перья, наоборот, — «плимажами»¹. На шапку офицера считалось 45 (точнее — 36 целых, «да в полпера по 9 пер») белых перьев. На шапку унтер-офицера и капрала — 24 белых и 12 пунцовых, которые располагались «по сторонам белые, а в середине пунцовые». На шапку гренадера — 12 белых и 12 пунцовых, «с одной стороны белые, а с другой пунцовые». На шапку барабанщика и флейтщика — два белых и 24 пунцовых, «по обеим сторонам пунцовые, а в середине с пунцовым белые» (по другим сведениям — только 24 пунцовых). До вышеназванного контракта сведений о закупке перьев в документах не прослеживается — вероятно, Лейб-компания донашивала плюмажи, переданные из гвардейских полков вместе с шапками в 1742 г.²

Для изготовления плюмажей использовались: медная проволока (в среднем — четыре аршина на каждый), иглы, красные и белые нитки, дратва, воск, картузная бумага, клейстер из пшеничной муки, мездринный клей. Перья, по три-четыре штуки, собирались в пучки. Очевидно, у основания их обертывали бумагой, сшивали и склеивали между собой. Железные пятки, в которые вставлялись концы плюмажей, обшивали белой козловой кожей. Сооружение это держалось не слишком крепко. Унтер-офицеры обязаны были смотреть, «чтоб на шапках перья были у всех поставлены и заворочены одним манером, как у одного, так и у другого; также, чтоб оные перья гораздо укреплены были, чтоб не выпадали и не шатались».

Кафтан строился из тонкого зеленого сукна и подбивался «двойным» алым стамедом. Сложнее ответить на вопрос, какого цвета были ворот и обшлага. Роспись материалов, закупленных «на полный комплект» к февралю 1742 г., показывает 2.199 аршин 11 вершков тонкого зеленого немоченого сукна «на кафтаны, обшлага и воротники». Между тем, в декабре 1741 г. для двух гренадеров сделали разные кафтаны — один с алыми воротником и обшлагами, другой — с зелеными: «...пошло в кафтан зеленого сукна гранодиру Григорью Ножевникову без обшлагов 4 аршина 11 вершков; алого ему ж, Ножевникову, в камзол, в штаны и обшлага с воротником — 3 аршина 9 вершков. Гранодиру Зотову в кафтан зеленого сукна с обшлагами зелеными — 5 аршин 1 вершок; в камзол, в штаны алого сукна — 3 аршина

в Петербург из-за моря: называлась «строус» — видом бела, а ростом с жеребенка; шея — долгая и тонкая, голова и нос — гусиные, а ноги — подобны журавлиным, только толсты, а ступни — яко человеческие».

¹ Plumage (франц.) — оперение, перья.

² В августе того года к лейб-компанским шапкам (судя по всему, обер- и унтер-офицерским) было дополнительно (?) изготовлено несколько плюмажей. Из придворной оперы тогда требовали 190 белых и 162 красных пера. В полках гвардейской пехоты с 1735 г. плюмаж на гренадерской шапке обер-офицера состоял из 42 белых перьев; плюмаж унтер-офицера составляли 15 белых и 15 красных перьев (с одной стороны белые, с другой красные), капрала — 12½ белых и 12½ красных (с одной стороны белые, с другой красные); рядового, барабанщика и флейтщика — три белых и 22 красных (белые перья сверху). С какой именно «стороны» — левой или правой — располагались белые и красные перья, документы умалчивают. В своей реконструкции мы использовали вариант, предложенный Висковатовым.

4 вершка». Можно было бы предположить, что один вариант кафтана является парадным, а другой — вседневным. Однако того количества материала, которое выдавалось на человека (около шести аршин зеленого сукна и четырех аршин алого), не хватит на два мундирных комплекта, к тому же для повседневного ношения всем чинам Лейб-компания тогда изготовили сюртуки. В дальнейшем, за все годы существования корпуса, ни один документ ни разу не упоминает про алое сукно для кафтанов. Во всех раскладках им предназначается только зеленое сукно; алое идет на камзолы и штаны. Описи вещей определяют кафтаны исключительно, как «зеленые».

Граф Иван Гендриков, в 1762 г. назначенный императрицей Екатериной II шефом вновь сформированного Кавалергардского корпуса, так описывал форменное платье Лейб-компания: «На прежних кавалергардов мундир строился в два года — кафтаны зеленые с разрезными малыми обшлагами, камзолы и штаны алые, с обложенным по кафтану и камзолу по борту золотым позументом».

На «погоны» унтер-офицерских и капральских кафтанов употреблялись золотые «шнуры» или «петельки» (они же «золотые петлицы», «плетеные» или «витые помочи»), каждая пара весом в пять золотников и три четверти¹. Гренадерам «погоны» делали из узкого «помочного» позумента — на один кафтан его выходило аршин или чуть больше.

Алый суконный камзол подбивался «двойным» белым стамедом. В ведомостях наличного имущества часто упоминаются камзолы без рукавов (возможно, их отпарывали и пришивали по мере надобности). К 25 ноября 1755 г. для унтер-офицеров, капралов и вице-капралов было велено сшить камзолы нового образца и «вдобавок на те камзолы позументу надлежащее число ... принять» (подробности нам не известны). Алые суконные штаны, очевидно, имели полотняную подкладку.

Отдельно к мундирному и амуничному «строениям» покупались «мелочные припасы»: белая лощеная, красная, желтая и толстая синяя крашенина; выбойка, клеенка, белая байка; китайский шелк зеленого, алого и желтого цветов; бумажная вата, вареный волос и «половые сита» в фалды; бумажный и мездринный клей, мел; зеленые, красные, желтые, белые «промытые», суровые и голландские нитки; желтый воск на вошение ниток и шелка, зеленый и алый немецкий гарус, иглы, пруты сургуча «для запечатывания по концам в мочке сукон», толстый холст «на мочку сукон»², пшеничная мука, шуйское мыло, платяные щетки, сыромятные кожи, щетина и проч. Половые сита³ в фалдах (одна пара на кафтан) представляли из себя каркас, который придавал определенную форму полам. Тем

¹ Четкого различия между этими терминами не существовало: украшения на плечах кафтанов могли называться и «погонами», и «помочами». Относительно последних следует заметить, что в армии «помочами» именовали суконные лопасти на спинках музыкантских кафтанов; металлические полосы для крепления наконечников к пикам, рогаткам и другому древковому оружию, но никак не наплечные погоны. Например, в Воинском штате 1731 г. цветная нашивка на левом плече кафтана так и называется «накладкой чрез перевязь».

² При проведении этой важной операции использовались дощатые кдзлы, две железных плиты, а также большие гвозди и пеньковые веревки, на которых мокрое сукно развешивалось для просушки. Другие принадлежности мундирного и амуничного «строений» готовили не менее основательно — деревянные «болваны» для шитья гренадерских шапок, доски (обязательно липовые) для кройки кожи, большие ножницы «для резания при строении перьев проволоки» и т.д.

³ Сит, сита — растение *Schoenus*, веревочник; употреблялось для плетения.

же целям, вероятно, служили вата (два листа на кафтан), вареный волос и клей. В 1747–1756 гг. (на другие годы сведений о покупке мелочных припасов нет) приобретали алые шелковые «шлифы»¹, по одной паре на каждый кафтан.

Медные золоченые пуговицы делились на кафтанные и камзольные. В 1755 и 1757 гг. они подряжались «на голландских нитках». В 1759 г. были подряжены пуговицы «на пальмовых деревяшках и на жилках». Отдельно покупались сыромятные ремни «на поставку» (крепление) пуговиц². На мундирах унтер-офицеров, капралов, гренадеров, лекаря, писаря и подлекаря пуговичные петли прорезанные на позументе отделявали «петельным» золотом — каждому по 12 аршин или ползолотника. Точное количество пуговиц для мундиров, построенных в 1742 г., определить затруднительно. В феврале этого года, вдобавок к недостающему, на 35 человек было докуплено 86 портищ (дюжин) и одна штука кафтанных пуговиц и, на 55 человек, — 151 портище и три штуки камзольных, то есть около 30 кафтанных и 33 камзольных пуговицы на каждый мундир. В 1751–1759 гг. унтер-офицерам и капралам кафтанных пуговиц полагалось по два портища 10 штук (34); гренадерам, лекарю, писарю и подлекарю — по два портища шесть штук (30); камзольных для всех вышеперечисленных чинов — по два портища девять штук (33). Пуговицы пришивались на кафтаны, камзолы и штаны; о порядке их размещения сведений в документах не нашлось.

Такая униформа стоила весьма недешево. Кафтан, камзол и штаны гренадера — младшего из строевых чинов — оценивались в сумму до 40 рублей, а то и больше. Поэтому, конечно, этот мундир одевали только на службу. В 1742 г. для повседневного ношения всем лейб-компанцам были сделаны «сертуги» из толстого (в отличие от тонкого мундирного) зеленого сукна, с подкладкой из «одинакого» (однорядного) красного стамеда. К «сартукам» приобрели 300 портищ «кафтанных прецметальных»³ и 600 портищ «медных покрашенных» пуговиц, а затем, вдобавок, на 50 человек докупили еще 160 портищ и одну пуговицу. Таким образом, можно подсчитать, что на каждый сюртук выходило около 40 пуговиц. Дюжина прицметальных стоила 15 копеек, дюжина «покрашенных» — на пять копеек больше. Заротные чины тоже получили сюртуки и «медные покрашенные» пуговицы — при покупке на пять человек (подлекарь, лекарские ученики и дьячки) их считалось 14 портищ, то есть около 30 пуговиц на каждый сюртук.

В дальнейшем сведений о постройке сюртуков не встречается. По-видимому, в качестве всенеднейной одежды стали использовать старые, выслужившие срок мундиры. Вместо гренадерских шапок вне строя надевались шляпы (обычно пуховые) с бантами и обшивкой из золотого позумента. Приказом от 16 декабря

¹ «Шлифы» — завязки для фиксации подвернутых кафтанных пол (?). Еще один специфический «лейб-компанский» термин. Известно, что в армии «шлифными» назывались пряжки подколennых подвязок на штанах и штіблетах. В Польше словом «szlify» обозначали наплечные офицерские эполеты.

² В 1750-е гг. получили распространение металлические пуговицы с деревянной основой и нитяными (жильными) ушками-петлями. В местах крепления пуговиц на одежде пробивались отверстия, а затем с изнаночной стороны сквозь пуговичные петли пропускался кожаный сыромятный ремешок.

³ «Прецметалл», «прицметалл», «принцметалл» («avrichalcum») — сплав меди с цинком и небольшим количеством олова, имеющий желтый цвет и внешне похожий на золото; назывался также «поддельным золотом» и нередко служил заменой последнему в XVIII и XIX вв.

1756 г. старшим унтер-офицерам — сержантам и вице-сержантам — вне службы по Лейб-компании велено носить мундиры по их армейским рангам. Часовым в зимнее время давали бараньи шубы, покрытые зеленым сукном.

Чины различались по количеству золотого позумента на одежде и амуниции. Основных разновидностей позумента в Лейб-компании было три: широкий (он же «камзольный»), средний («амуничный») и узкий («помочный»). Оценивался позумент по весу: аршин широкого весил два лота, аршин среднего — от четырех до четырех с третью золотника, аршин узкого — один лот. Весь позумент был французский серебряный, «вдвое золоченый», — от подрядчиков он требовался новый и обязательно нележалый, «чтоб был золотист»¹.

Обмундирование украшал широкий позумент. В 1742 г. унтер-офицеры и капралы нашивали его на камзолы, воротники и обшлага кафтанов; гренадеры — только на камзолы. В приведенной здесь таблице показано количество позумента на одежде строевых и заротных чинов. Обратите внимание: младшим по званию вице-сержантам, квартирмейстеру и вице-капралам в 1742–1755 гг. его полагалось больше, чем старшим по чину, соответственно, сержантам, подпрапорщику и капралам. Это объясняется тем, что «на мундирах у оных чинов (вице-сержантов, квартирмейстера и вице-капралов. — Авт.) позумент извит». К ноябрю 1755 г. относятся сведения, что «извитый» позумент имел также подпрапорщик. Впрочем, разница в количестве позумента у каждой пары чинов (сержантов и вице-сержантов, подпрапорщика и квартирмейстера, капралов и вице-капралов) не очень велика и колеблется от двух до 10 вершков. Что в данном случае означает слово «мундир», и каким именно образом позумент на нем был «извит», объяснить мы не можем.

На основании имеющихся в нашем распоряжении данных попробуем восстановить схему расположения позумента. В 1748 г. С камзола умершего гренадера Федора Дубова оказалось утрачено «позументу: с обеих пол с каждой, с воротника — по четверти аршина, с низу пол с каждой же — по девяти вершков, с обоих клапанов — весь». Согласно описаниям имущества Лейб-компания, на камзолах унтер-офицеров, капралов и гренадеров позумент нашивался «по борту и клапанам». В общем, надо полагать, на камзолах всех строевых чинов, а также лекаря, писаря и подлекаря, позумент украшал края бортов, низ пол, клапаны карманов и «воротник»².

На кафтанах капралов и унтер-офицеров позумент, скорее всего, выкладывался в соответствии с традиционной моделью чиновных различий: один ряд на вороте и от одного до трех рядов на обшлагах. Положим, один ряд у капралов и вице-капралов, два у подпрапорщика и квартирмейстера, три у сержантов и вице-сержантов. Если это предположение правильно, вырисовывается довольно четкая схема — у каждой пары чинов одинаковое расположение позумента на вороте и обшлагах кафтана и «извитый» позумент на «мундире» младшего в паре чина. Нарушает стройную картину только подпрапорщик с его «извитым» позументом.

¹ В случае нехватки позумента установленного фасона, мог использоваться «галон» (галун) других разновидностей: например, «калиберный» позумент с мундира гвардейских офицеров, партии которого Лейб-компания одалживала в гвардейских пехотных полках. Такой разнотой отмечался в ведомостях, как недостаток.

² Судя по количеству позумента, под «воротником» понималась горловина камзола или даже только ее передняя часть.

В ведомостях о мундирном «строении» за 1757 г. позумента у капралов и унтер-офицеров показано на порядок больше¹. О том, каким образом он мог бы располагаться, сведений в делах не отыскалось. С этого же времени подпрапорщик и квартирмейстер имели равное количество позумента. Судя по всему, мундиры этих чинов перестали отличаться друг от друга (что, в принципе, логично, так как их армейские ранги одинаковы). У гренадеров количество позумента и, соответственно, его расположение должны были остаться прежними.

В заключение надо отметить, что позументная расшивка четко воспринималась как ранговый, знаковый символ даже в среде самих лейб-компанцев. Так, в августе 1756 г. посаженный под арест гренадер Василий Поливанов грозил дежурному вице-капралу: «Я де на тебе клока позумента не оставляю». На посторонних «золотистые» галуны производили не меньшее впечатление. В 1749 г. подпоручик лейб-гвардии отставного Московского батальона Яков Колмогорский не осмелился возражать матерно обругавшему его вице-сержанту Лейб-компании князю Григорию Килдишеву, «уповая, может какой генералитет, – яко же он весь в позументах»...

ЗВАНИЯ	КОЛИЧЕСТВО ПОЗУМЕНТА НА МУНДИРАХ					
	1742 г.		1751–1755 гг.		1757–1759 гг.	
	АРШИНЫ	ВЕРШКИ	АРШИНЫ	ВЕРШКИ	АРШИНЫ	ВЕРШКИ
сержант	12	13	13	14	24	4
вице-сержант	12	15	14	–	24	6
подпрапорщик	11	6	11	14	21	6
квартирмейстер	11	8	12	8	21	6
капрал	9	8	9	10	14	8
вице-капрал	9	13	9	12	14	6
гренадер	6	7	5	15	6	–
лекарь	–	–	5	15	6	–
писарь	6	3	5	15	6	–
подлекарь	6	3	5	15	6	–

Будучи в гренадерском уборе, чины Лейб-компании носили башмаки и белые полотняные штиблеты. На шеи повязывались белые «трухмаленные» (накрахмаленные) галстуки. При параде обувью, по-видимому, служили сапоги с белыми штибль-манжетами. Во всяком случае, в 1745 и 1746 гг. всем строевым чинам, приглашенным к столу государыни по случаю ежегодного празднования «восшествия Ее Императорского Величества на всероссийский императорский престол», предписывалось быть в новых сапогах.

В торжественных случаях, при парадах и на караулах волосы пудрили. Тупеи — пряди на верхней части головы, — согласно приказам, должны были быть «под-

¹ Вероятнее всего, количество и расположение позумента на мундирах капралов и унтер-офицеров поменялось еще раньше, в ноябре 1755 г., вместе с появлением камзолов и амуниции нового образца.

*Гренадер Лейб-компании
1759-1762 гг.*

Рисовал Александр Аверьянов

правлены и подвиты». На затылке к стянутым назад волосам прививалась обмотанная лентой коса (ее так и называли — «*прививная*» или «*лентовая*»). Некоторые унтер-офицеры имели парики. Судя по старинным рисункам из «*Истории кавалергардов*» (СПб., 1899), на висках было несколько пуклей, а на верхней губе, подобно всем гренадерам, лейб-компанцы носили усы.

Каждый год 25 ноября — в годовщину переворота — все строевые чины Лейб-компании приглашались к столу государыни. К этому дню обмундирование, амуницию и оружие приводили в полную «*исправность*» и чистоту. Приказ по корпусу от 24 ноября 1746 г. дает наглядное представление о грядущей церемонии: «...когда Лейб-компания будет представлена в завтрашний день пред Ее Императорским Величеством, чтоб гранодеры были во всякой чистоте, напудрившись, и имели б рубашки с манжетами. И когда будут подходить к руке Ее Императорского Величества, чтоб шапок не скидали, а притом бы береглись, чтоб Ее Величество перьями не беспокоить, и шли б прямо, и кланялись бы только по одному разу, когда будут подходить к руке, а потом бы порядочно шли на свои места, чего господам унтер-офицерам смотреть прилежно и силу сего приказа при собрании в шеренгах напоминать; также б и за столы садились порядком. А заротным чинам при столе Ее Императорского Величества не присутствовать, только лишь быть у руки». В 1744 г. приглашенные к столу кавалергарды, кроме тех, которые в тот день заступали на караул, пришли на празднество без супервестов и в гренадерских шапках. При «*собрании*» в день Богоявления (6 января) унтер-офицерам и гренадерам полагалось быть «*в шапках с перьями, без сум и без ружья*», а офицерам — «*только в мундирах, в шарфах, без знаков*».

В свободное от службы время лейб-компанцы могли носить собственное цветное платье (иногда — весьма дорогое), картузы и епанчи, дополняя этот цивильный наряд казенным тесаком на португее. У многих имелось и свое оружие — шпаги, кортики. В большом ходу были трости с лентами — капралы и унтер-офицеры использовали их даже на службе. Однако не всегда внешний вид личного имущества соответствовал статусу владельца. Так, в словесном приказе от 17 апреля 1759 г. говорилось: «Некоторые Лейб-компании гранодеры, а особливо вновь пожалованные, не стараются явить себя честным офицером — ходят по улицам, по Гостину двору, около качелей и по прочим публичным собраниям, растрепав волосы, распустя косы, [надев] ветхие свои позументом не обшитые и без бантов шляпы, во одеждах ветхих, не приличных месту и собственной их, гранодер, чести». Еще более плачевными, особенно для казенной экипировки, оказывались последствия знаменитых лейб-компанских загулов. Например, 30 мая 1743 г. из кабака после самовольной отлучки в роту вернулся гренадер Иван Суховерков, «у которого мундир изодран, и у тесака клинок переменен, а у шапки задник и козырь оторваны»...

ВООРУЖЕНИЕ

Холодным оружием строевым и заротным чинам Лейб-компании (за исключением священника, дьякона, церковного старосты и дьячков) служили тесаки или, как их иногда называли, «*палаши*». В январе 1742 г. на Сестрорецкие оружейные заводы был отправлен взятый у шпажного мастера Якова Вегнера образ-

цовый палаш «с золоченым эфесом с рыбьим череном, с ножнами с крючком и наконечником». Интересная деталь: «...у одного палаша на эфесе вензель — имя бывшего принца Иоанна». На заводе присланный образец оценили в девять рублей и сообщили, что «за малоимением знающих мастеровых» (в особенности — золотарей и чеканщиков) изготовить необходимое количество таких палашей «чеканной работы» смогут только через полгода, а вместо «рыбной кожи»¹, которую «здесь сыскать неуповательно», предложили употребить черную сафьянную кожу «и оную перевить редкою тонкою серебряною проволокою. И такой гриф, мнится, — уверяли мастера, — что образцового пригожее будет». В качестве альтернативного варианта предлагалось сделать на Сестрорецких заводах одни клинки, а эфесы заказать в Москве, у содержателя пуговичной фабрики Ивана Маркова, «понеже у него таких искусных медного дела мастеров имеется довольно, и эфесы скоро сделать может».

Так и поступили. Точеные и «палерные» (полированные) клинки «с выстравкою» (вытравкой) сработали на Сестрорецких заводах², а медные позолоченные эфесы — на фабрике Маркова. У эфесов упоминаются «головки» и «дужки» (последние часто ломались). «Черены» или «ручки» (грифы) эфесов были двух разновидностей: для унтер-офицеров — из «рыбьей кожи»; для остальных чинов — кожаные, «перевивные» золоченой проволокой. Медные «бляхи» (устья) и крючки на кожаных ножнах также золотились, медные наконечники — нет. В ведомостях имущества роты тесаки описаны следующим образом: унтер-офицерские — «с медными позолоченными эфесы, грейфы (грифы. — Авт.) с яшмором и со всем к ним прибором»; капральские, гренадерские и заротных чинов — «с медными позолоченными эфесы и со всем к ним прибором».

В 1742 г. всем строевым и заротным чинам приобрели лосиные темляки, стоимостью 20 копеек каждый. В дальнейшем сведений о покупке темляков в документах не встречается — возможно, их стали вырезать из старой амуниции. Не позднее 1753 г. лейб-компанцы перешли на золотые темляки. В ноябре 1759 г. Семен Роговиков подрядился поставить золотые «двукистные» (то есть с двумя кистями) темляки с зеленым шелком, по четыре рубля 50 копеек штука.

Наряду с образцовым палашом, в бумагах за 1742 г. упомянута так называемая «длинная фузья». От находившихся тогда в Оружейной канцелярии карабинов лейб-гвардии Конного полка представленный образец, по-видимому, отличался незначительно — главным образом, большей длиной. Поскольку времени сделать новое оружие не оставалось — все вещи следовало доставить в Москву уже к концу февраля, — на Сестрорецких заводах спешно «переправили» и выдали Лейб-компании 340 карабинов «тульского дела» с приделанными новыми штыками, медным прибором и «принадлежащими к ним» железными пыжовниками, трещотками и отвертками «без черенья». На штыковых ножнах были медные

¹ «Рыбная кожа» — плотная белая крупнозернистая кожа акулы или ската; другие названия — «ящур», «яшмор».

² Из воспоминаний майора артиллерии Михаила Данилова: «В 1743 году назначили из Артиллерийской школы выпуск... Я приготовил артиллерийские чертежи и многие рисунки на экзамен, а между тем командирован был на заводы в Сестрелек (Сестрорецк. — Авт.) для рисования вензелей и литер на тесаках, которые готовились для корпуса Лейб-компании; по возвращении моем с Сестрелека — взят был в Герольдию для рисования дворянских гербов на лейб-компанцев, чем они тогда удостоены были все».

незолоченные крючки и наконечники, на пыжовниках и трещотках — винты для навинчивания на шомпол. В Москве к замочным отверткам купили деревянные черенки с железными гайками, а ко всей партии оружия — четыре пулечных и четыре картечных железных формы. Надо полагать, это были длинноствольные карабины кавалерийского образца (с погонной скобой на ложе) — в Лейб-компании их называли «ружьями». Зарядом служила круглая свинцовая пуля; в 1742 г. от Артиллерии рота потребовала свинец еще и на литье ружейной картечи, но этот случай, кажется, стал единственным.

После 14 лет службы, в ноябре 1755 г., порядком износившееся оружие было решено заменить новым — сделать фузеи, теперь уже пехотные, и вместо тесаков — шпаги. Образцы изготовили к январю 1756 г. на Сестрорецких заводах. Шпага, видимо, оказалась маловата, и к апрелю сестрорецкие мастера сделали другую образцовую — тем же манером, «*только прежней шпаги несколько побольше, с медным позолоченным эфесом, с двойными ножами¹, крючком, верхним и нижним наконечниками позолоченными ж*». Литые эфесы шпаг были «*расчеканены*» (с их «*расчеканкой*» и позолотой заводам помогли тульские оружейники), литые наконечники ножен — «*порезаны*»². Шпажные «*полосы*» (клинки) только точились и полировались — иная отделка в ведомости об изготовлении не значится.

Фузея имела крашенный «станок» (ложе) из волнистого березового дерева, стальной полированный шомпол и медный литой незолоченный прибор. Фузейные стволы и приборы были «*порезаны*», медные литые «*налобки*» (очевидно, затильники прикладов) — «*расчеканены*». К фузеям прилагались трехгранные штыки, в ножнах с медными крючками и наконечниками. К ним также сделали три стальных или железных формы: одну «*о шести пулях*» и две «*об одной пуле*»³. Работа по изготовлению нового комплекта оружия для Лейб-компании растянулась на несколько лет. Лишь в начале 1759 г. фузеи (каждая с индивидуальным номером) и шпаги были розданы чинам корпуса.

АМУНИЦИЯ

У всех строевых чинов комплект амуниции включал португепю, гранатную суму и патронный подсумок (иногда в документах его называют «*лядункой*»). Чтобы не повторяться в дальнейшем, сразу отметим, что сумы и подсумки обтягивались сплошь тонким алым мундирным сукном и имели несколько крышек. Амуничные ремни вырезали из лосиной кожи; с изнанки, для укрепления краев, они подшивались широкой нитяной тесьмой. Детали металлического прибора были медные и по большей части позолоченные.

Португепю застегивали на поясе; ножны холодного оружия вкладывались в кожаную лопасть, расположенную с левой стороны. В 1742 г. медный прибор португепи составляли: вызолоченные пряжка и петля, незолоченные крюк и наконечник. В 1745 г. последние две детали отменены; на португепе остались только пряжка (в одной из ведомостей у нее упомянут «*спенек*») и петля. В январе 1759 г. перча-

¹ «Двойные» — ножны с кожаным чехлом (фактически из двух слоев кожи).

² «Порезка» — резной орнамент на металле.

³ В 1762 г. В роте состояли четыре формы для литья пуль и одна картечная; итого пять.

точный мастер Карл Гильдебранд подрядился изготовить 380 лосиных портупей, «а мерою оные в длину: первые — в два аршина в пять и в четыре вершка, вторые — в два аршина, и подкладывать оные протупеи самую хорошею тесьмою».

По бокам сумы, «что кладутся гранаты», крепились два кольца; крышку сумы украшали «герб» и «вензель» — две медных «доски» (бляхи) с изображениями государственного герба и вензеля императрицы. В 1742 г. медный прибор «широкой» сумочной перевязи составляли: пряжка, запряжник, наконечник, два крюка «с лопастьми» (несомненно, что крюками перевязь соединялась с кольцами на суме; что же в данном случае означает слово «лопасти», нам не ясно) и, только у рядовых гренадеров, — фитильная трубка (она же «ночник»)¹. Вся медь была вызолочена. В 1745 г. отменены запряжники, наконечники, крюки, «лопасти» и фитильные трубки; к суме по-прежнему пришивались кольца, а пряжек на «сумном ремне» стало две, причем, по-видимому, без позолоты².

Внутри подсумка вставлялась деревянная «лядунка» (колодка) с выточенными в два (?) ряда гнездами для 26 патронов (однако самих патронов по табелям считается всего 20 штук на человека). Медный прибор включал пару пряжек (с 1745 г., скорее всего, — незолоченых) и «вензель» (очевидно, такой же, как на гранатной суме). Носили подсумок на поясе или, быть может, через плечо при помощи вде того в пряжки «узкого» подсумочного ремня.

Сумы и подсумки украшал золотой позумент: в 1742 г. — узкий, в дальнейшем — средний. На унтер-офицерских и капральских сумках он располагался «кругом герба и вензеля и по накрышке», на подсумках — «кругом вензеля и по накрышке». На сумках и подсумках гренадеров — только «по накрышке». Судя по описям вещей, эта «накрышка» представляла собой большой кожаный клапан, снаружи обшитый алым сукном и позументом, на желтой крашенинной подкладке, который в обычное время закрывал крышку с золочеными «досками», а в торжественных случаях — отворачивался назад, за внутреннюю сторону сумы или подсумка.

Помимо вышеперечисленных предметов, рядовым гренадерам в 1742 г. были сделаны «погонные ремни» (они же «фузейные ремни», «перевязи к фузейным погонам» или «погонные перевязи») — такие же, как в кавалерии, надевавшиеся через плечо. К каждому ремню полагались вызолоченные пряжка, погонный крюк и золотой позумент на обшивку. Трудно сказать, насколько активно они использовались. Сделанные один (?) раз, погонные ремни числились на балансе до конца 1750-х гг. И совсем вышли из употребления только после замены карабинов, выданных в 1742 г., на фузеи, уже не имевшие на ложе погонной скобы для подвешивания на крюк, «по-кавалерийски».

В 1755 г. Лейб-компания была изготовлена новая амуниция, во многом отличная от прежней. «Накрышки» к сумам и подсумкам — их теперь называли «лопастями» — стали кроиться длиннее, «на которые, как сукно, так и излишний позумент употреблен», с оторочкой по краям из красной козловой кожи. Такая же ото-

¹ В армии «ночником» назывался большой футляр с дверцей (вроде потайного фонаря), в котором держали тлеющий фитиль. Ночник являлся частью экипировки гренадерских капралов и чинов артиллерийской прислуги. В одной из ведомостей о состоянии казенных вещей лейб-компанцев упомянут ночник, у которого не хватает «гребенки» (?).

² Вызолоченная пряжка портупей стоила рубль, тогда как пара перевязных медных пряжек — всего 14 копеек.

рочка шла «около» самих сум и подсумков — ее делали из «целых козловых кож», а также из «оставающихся от кроения к сумам на гранатные кошельки обрезков»¹. Кроме того, «лопасти» подсумков приказано иметь «с особливым Ее Императорского Величества вензелем и с лаврами», выложенными узким золотым позументом. С 1757 г. для выкладки вензелей стал использоваться средний позумент двух разновидностей — «пошире» и «поуже».

Деревянные колодки в подсумках в 1755 г. «для легкости» заменили жестяными, с гнездами в один ряд для 13 патронов (общее количество боеприпасов при этом не изменилось), а «вместо прежних подсумочных узких ремней приказано сделать широкие ремни, какие и у сум, с узким позументом». С этого времени ремень подсумка стал называться «перевязью», а сам подсумок, теперь уже совершенно точно, — носиться через плечо, подобно гранатной суме. Отныне по ведомостям на две одинаковые перевязи считались две одинаковые же пары медных пряжек. Старые узкие подсумочные ремни в 1755 г. пустили «на пришивание ушков» гранатных сум, к которым «при нынешнем амуничном строении ... медные кольца не пришиваны, а пришиты одни пряжки». В том же году к вице-сержантским сумам и подсумкам были изготовлены перевязи двух «препорций»: первые — длиной два аршина и шесть вершков, вторые — на вершок короче.

Ремни амуниции украшались золотым позументом, количество и схема расположения которого зависели от чина владельца. Так, образцовые унтер-офицерские перевязь и портупея (1742 г.) были обшиты по краям широким позументом. Впоследствии при описании этих образцов уточнялось, что перевязь не имеет «против нынешних в средине узкого золотого позументу», портупея — «на лопасти в средине позументу». Примечание было обусловлено тем, что с 1745 г. портупеи унтер-офицеров и капралов, а также унтер-офицерские перевязи покрывались «сплошным» позументом. Под термином «сплошной», очевидно, следует понимать обшивку из нескольких рядов позумента, целиком закрывавших поверхность ремня. Если же ремень был узким и, чтобы обшить его полностью, хватало одного ряда позумента, то он именовался «накрытым».

Подробности — выверенные и уточненные, насколько это оказалось возможным, — мы приводим отдельно. Следует, однако, подчеркнуть, что фактический расход позумента (как и других материалов) мог несколько отличаться от расчетного. Да и вообще, особенности лейб-компанской действительности порой вносили серьезные коррективы во внешний облик мундирных, оружейных и амуничных вещей. В 1748 г. среди пожитков уже упоминавшегося гренадера Федора Дубова не оказалось в наличии казенных штанов (!), 20 патронов с пулями, штыковых ножен и медного прибора от тесачных ножен — «бляхи», крючка и наконечника. У ружья был отломан приклад, от перевязи — на четверть аршина отрезан конец с восемью вершками позумента, с портупеи — позумент утрачен полностью. Лядунка оказалась обшита «некалиберным» позументом (двух вершков еще и не хватало), а лядуночный ремень был собран из старого кожаного «лоскутья» и вместо широкого накрыт узким «некалиберным» позументом. На этом примере можно представить, в каком виде некоторые лейб-компанцы выходили в строй или на караул...

¹ «Гранатные кошельки» — кожаные перегородки внутри гранатной сумы (?).

КОЛИЧЕСТВО ПОЗУМЕНТА НА АМУНИЦИИ

По рапорту от 19 мая 1742 г.:

Унтер-офицеры и капралы:

портупея — 6 аршин 6½ вершков широкого
перевязь — 4 аршина 6 вершков широкого, 2 аршина 3 вершка «узенького»
лядуночный ремень — 2 аршина 5 вершков широкого
сума и лядунка — 5 аршин 5 вершков узкого

Рядовые гренадеры:

портупея — 5 аршин 2 вершка узкого*
перевязь — 4 аршина 4 вершка узкого*
лядуночный ремень — 2 аршина 5 вершков широкого
сума и лядунка — 2 аршина 4 вершка узкого*
погонный ремень — 4 аршина 10 вершков узкого*

Заротные чины:

портупея — 5 аршин 2 вершка узкого

---

* К 1745 г. весь узкий позумент на амуниции рядовых гренадеров заменен средним.

По рапорту от 22 октября 1742 г.:

«На обер-офицерскую амуницию позументу:

на портупеи — узкого пять аршин тринадцать вершков, широкого три аршина пять вершков; на две перевязи — узкого девять аршин десять вершков; на оные ж две перевязи — широкого четыре аршина десять вершков; на суму и подсумок — шесть аршин четыре вершка, в том числе на портупеи надлежит узкого кругом лопасти двенадцать вершков.

На унтер-офицерскую амуницию:

на перевязь — широкого три аршина и три вершка; на запряжник* — широкого ж один аршин два вершка; на перевязь и на запряжник* — узкого два аршина один вершок; на подсумочный ремень — два аршина с полу[аршином]; на суму и на подсумок — пять аршин одиннадцать вершков; на портупею — шесть аршин семь вершков.

На рядовую:

на перевязь — узкого три аршина четыре вершка; на запряжник* — четырнадцать вершков с полу[-вершком]; на подсумочный ремень — два аршина с полу[аршином]; на погонный ремень — четыре аршина тринадцать вершков; на суму и подсумок — два аршина тринадцать вершков; на портупею — пять аршин девять вершков».

---

* «Запряжник» — петля, обычно металлическая, с помощью которой фиксировался конец пропущенного сквозь пряжку ремня. Что в данном случае обозначено этим словом — нам не вполне ясно. Быть может, это так называемые «задники», принимавшиеся от подрядчиков в 1742 г. вместе с «длинными» перевязями к гренадерским сумам.

По сметам на 1751, 1753 и 1755 гг.:

Унтер-офицеры:

портупея — 7 аршин широкого
 перевязь — 5 аршин широкого, 3 аршина 5 вершков узкого
 подсумочный ремень — 2 аршина 6 вершков широкого
 сума и подсумок — 2 аршина 15 вершков среднего

Капралы:

портупея — 7 аршин широкого
 перевязь — 5 аршин 2 вершка среднего
 подсумочный ремень — 2 аршина 6 вершков широкого
 сума и подсумок — 2 аршина 15 вершков среднего

Рядовые гренадеры:

портупея — 5 аршин 9 вершков среднего
 перевязь — 5 аршин 2 вершка среднего
 подсумочный ремень — 2 аршина 6 вершков широкого
 сума и подсумок — 2 аршина 15 вершков среднего

Заротные чины:

портупея — 5 аршин 9 вершков среднего

По сметам на 1757 и 1759 гг.:

Сержанты и капралы:

портупея — 7 аршин 4 вершка широкого
 перевязь сумы — 4 аршина 14 вершков широкого
 перевязь подсумка — 4 аршина 14 вершков широкого*
 лопасть подсумка (вензель на ней) — 3 вершка среднего «пошире», 1 аршин
 4 вершка среднего «поуже»
 сума и подсумок — средний**

Вице-сержанты, подпрапорщик, квартирмейстер и вице-капралы:

портупея — 7 аршин 4 вершка широкого
 перевязь сумы — 8 аршин среднего
 перевязь подсумка — 8 аршин среднего*
 лопасть подсумка (вензель на ней) — 3 вершка среднего «пошире», 1 аршин
 4 вершка среднего «поуже»
 сума и подсумок — средний**

Рядовые гренадеры:

портупея — 6 аршин среднего
 перевязь сумы — 5 аршин среднего
 перевязь подсумка — 5 аршин среднего*
 лопасть подсумка (вензель на ней) — 3 вершка среднего «пошире», 1 аршин
 4 вершка среднего «поуже»
 сума и подсумок — средний**

Заротные чины:

портупея — 6 аршин среднего

* Изначально (согласно тексту ордера от 30 января 1756 г.) перевязи подсумков предполагалось обшить «узким» поументом.

** 1.000 аршин на всех унтер-офицеров, капралов и рядовых гренадеров. В 1755 г., при строении амуниции нового образца, на суму и подсумок рядового считалось, соответственно, один аршин девять вершков и один аршин один вершок среднего позумента. Унтер-офицерам и капралам позумент покупали из расчета пять аршин и один вершок на суму и подсумок.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ПОЗУМЕНТА НА АМУНИЦИИ

По ведомостям от 24 апреля 1752 и 25 января 1755 гг.:

Сержанты, вице-сержанты, квартирмейстер и подпрапорщик:

портупея — «сплошной» широкий позумент
перевязь — «сплошной» широкий и узкий позументы
подсумочный ремень — «накрытый» широким позументом

Капралы и вице-капралы:

портупея — «сплошной» широкий позумент
перевязь — средний позумент по краям и «змейкой» посередине
подсумочный ремень — «накрытый» широким позументом

Рядовые гренадеры:

портупея — средний позумент по краям
перевязь — средний позумент по краям
подсумочный ремень — «накрытый» широким позументом

По ведомости от 2 февраля 1757 г.:

Портупея:

унтер-офицеры и капралы — «сплошной» широкий позумент*
рядовые гренадеры и заротные чины — средний позумент по краям

Перевязи к суме и подсумку:

сержанты — «сплошной» широкий позумент
вице-сержанты, подпрапорщик, квартирмейстер и вице-капралы — средний позумент по краям и «змейкой» посередине*
капралы — широкий позумент по краям
рядовые гренадеры — средний позумент по краям

---

* С 1759 г. перевязи к подсумкам и «поперечники» (?) к портупеям унтер-офицеров, капралов и вице-капралов стали делать из желтой шелковой тесьмы, с обшивкой широким золотым позументом. На 48 перевязей позумента считалось 118 аршин 3 вершка; на «поперечники» 48 портупей — 10 аршин 6 вершков. С этого же времени указанные чины на службе обходились одними подсумками, а гранатные сумы с перевязями сдали в ротный цейхгауз.

НЕСТРОЕВЫЕ ЧИНЫ

К нестроевым или заротным чинам в Лейб-компании относились штаб-лекарь, лекарь, подлекарь, фельдшеры, писарь, копиисты, барабанщики, флейтщики, священник, дьякон, церковный староста и дьячки. Из них лекарь, писарь и подлекарь имели офицерские звания: первый — капитана, второй — поручика,

третий — прапорщика. Остальные, исключая штаб-лекаря, священника, дьякона, старосты и дьячков, приравнивались к армейским сержантам, а потому считались «*нижними*» чинами (в отличие от рядовых лейб-компанцев, состоявших в офицерских званиях). С февраля 1742 г. В штат корпуса входили также два лекарских ученика, однако приказом от 25 октября 1747 г. эти должности были упразднены.

Для священника и дьякона шили зеленые рясы (из того же сукна, что приобреталось на кафтаны строевым чином) и зеленые же, а с 1755 г. — малиновые или алые штофные «*полукафтаны*». В ротной церкви хранились вседневные и «*богатые*» одежды для богослужений: священнические ризы и епитрахиль, дьяконские стихарь и орарь. Штаб-лекарю форменного платья не полагалось, поскольку по существовавшей тогда в войсках традиции штаб- или полковые лекари строили мундир «*от себя, какой кто пожелает*».

Писарь, барабанщики и флейтчики носили гренадерские шапки; лекарь, подлекарь, фельдшеры, копиисты, староста и дьячки, по всей вероятности, имели шляпы. Мундиры лекаря, писаря и подлекаря отличались от гренадерского только отсутствием погон (ввиду отсутствия перевязей). На мундирах фельдшеров, копиистов, старосты и дьячков к тому же было меньше пуговиц (28 кафтаных и 32 камзольных)¹, а позумент и золотая обшивка пуговичных петель отсутствовали вовсе. 16 октября 1755 г. кафтанные обшлага копиистам велено делать большие и без пуговиц — интересно, это было как-то связано с их многочасовой «*чернильной*» работой?

Кафтаны барабанщиков и флейтчиков украшали «*крылышки*» или «*крылья*» на плечах, обшитые узким золотым позументом — 12 вершков на человека. Барабанщику, кроме того, отпускался такой же позумент «*на помочи*», точнее — на одну «*помочь*» (погон) для барабанной перевязи. У флейтчиков черезплечных ремней и, следовательно, погон не было. В остальном мундиры музыкантов не отличались от фельдшерских и прочих нижних чинов.

Священник, дьякон, староста и дьячки оружия не имели. Другим заротным чином, кроме штаб-лекаря, полагались такие же портупей, тесаки и темляки, как у рядовых гренадеров. При замене лосиных темляков золотыми, из нестроевых чинов их получили только состоявшие в офицерских званиях лекарь, писарь и подлекарь. 24 марта 1759 г. «*вне церкви*» дьячкам было дозволено носить шпаги (по примеру дьячков в полках лейб-гвардии).

При Лейб-компании числились также профосы и сторожа. В штат корпуса они не входили. Профосов «*для работ и чищенья во оной Лейб-компании казенных домов*» изначально было двое; с весны 1747 г. их стало шесть. Первые сторожа в роте появились после того, как священник Иоанн Потапов «*усмотрел*», что трое солдат Ингерманландского и Астраханского пехотных полков, стоявшие на карауле при церкви Лейб-компании, — «*состояния доброго и в своей должности всегда исправны; к тому ж оные солдаты не токмо старосте церковному, но и дьячкам в церкви делают немалое вспоможение*». Потапов подал графу Разумовскому рапорт с предложением определить усердных солдат сторожами при церкви. Просьба священника

¹ Данные на 1751–1759 гг. Относительно более раннего периода можем лишь сказать, что в 1742 г. пяти заротным чином — подлекарю, лекарским ученикам и дьячкам — требовалось купить 10 портищ кафтаных и 14 портищ камзольных пуговиц.

была уважена, и приказом по Лейб-компани от 26 мая 1753 г. *«вновь определенных в сторожи»* повелевалось привести к присяге и удовлетворить квартирами.

В следующем году пять сторожей причислили к канцелярии Лейб-компани, четверых назначили *«для смазывания пожарной заливной трубы и содержания оной в чистоте»*; еще четверо состояли *«при казенных колясках и санях для смотрения за оными в случающихся походах»*, двое — при *«счетной комиссии»* (их в документах иногда называют *«счетчиками»*), шестеро — *«при каптенармусской должности для всяких исправлений»*. В январе 1756 г. двух человек приставили к аптеке, двух — *«к комиссарству»*. К концу 1750-х гг. сторожей насчитывалось уже 30.

Мундир для сторожей шили *«солдатский»* — из толстого сукна: зеленые кафтаны и епанчи, красные или алые камзолы и штаны. *«Внутренний мундирный приклад»* состоял из красной байки или каразеи, красной крашенины, толстого холста, клеенки, красного и зеленого гаруса, а также красных, зеленых и белых ниток. Пуговицы — медные¹. Сторожа носили солдатские шпаги и лосиные портупей с медными пряжками и петлями. Профосам полагался тот же комплект обмундирования, исключая епанчи; оружия и амуниции у них не было совсем².

Разумеется, были при Лейб-компани денщики и извожники. Но эти служители уже не попадали ни под какую категорию чинов — ни ротных, ни заротных. Указаний на порядок их материального довольствия нам обнаружить не удалось.

ОБЕР-ОФИЦЕРЫ

Офицеры Лейб-компани обеспечивали себя одеждой самостоятельно, поэтому сведений о принадлежавших им мундирных вещах в документах корпуса почти нет. Известно очень немногое. В 1742 г. на *«погоны»* кафтанов было куплено семь пар золотых с битью *«масифных петлиц»* или *«масифных петель»*³. Через два года, в ноябре 1744 г., *«к обер-офицерским мундирам на плеча»* снова отпустили по паре *«золотых петель с битью»*, привезенных *«из немецких краев»* (капитану Елизавете Петровне достались две пары петлиц к двум мундирам). Помимо строевого, офицеры имели и так называемый *«богатый»* мундир. В 1742 г. шитье (то есть только сама работа) шести таких мундиров обошлось в 170 рублей 60 копеек.

Больше сведений сохранилось о предметах офицерской амуниции, которые строились за казенный счет. Ведомости имущества Лейб-компани, состав-

¹ В 1752 г. на шестерых профосов считалось 282 кафтанных и камзольных пуговицы (то есть 47 штук каждому). В 1759 г. шесть профосов и 28 сторожей должны были получить 90 портиц и четыре штуки (1.084) кафтанных пуговиц, 70 портиц и 10 штук (850) — камзольных. Пуговицы эти пришивались на кафтаны, камзолы и штаны, а также, вероятно, на епанчи. Норму отпуска на одного человека и, тем более, — расположение пуговиц установить затруднительно.

² Некоторые распоряжения и ведомости можно трактовать так, будто вся одежда профосов строилась из зеленого сукна: *«Приказ ... о покупке реченной Лейб-компани профосам на мундиры сукна зеленого солдатского и к ним надлежащего прикладу»* (1745 г.); *«При профосах ... имеются кафтаны, камзолы и штаны зеленого толстого сукна»* (1755 г.). В то же время ряд документов свидетельствует, что сукно и мундир у профосов были двух цветов — зеленого и красного. Возможно, установки относительно внешнего вида ротных мусорщиков менялись из года в год.

³ *«Масиф»* — так в документах второй половины XVIII в. обычно называется позумент на офицерских шляпах.

ленные в разные годы, описывают их совершенно одинаково: «...ружей с медною оправою и со штыками — семь; шапок гранодерских с гербами и прочим медным позолоченным прибором — восемь; перьев к шапкам гранодерским белых — восемь; шарфов плетеных золотых с кистями золотыми — восемь; знаков серебряных позолоченных — восемь; сум с гербами и вензелями медными позолоченными, обшитых алым бархатом и по краям золотым прорезным позументом, — восемь; подсумков с вензелями медными позолоченными, обшитых алым бархатом и по краям золотым прорезным позументом, — восемь; перевязей к сумам, обшитых в середине золотым газом, а по краям позументом, с пряжками медными позолоченными — восемь; перевязей к подсумкам, обшитых в середине золотым газом, а по краям позументом, с пряжками медными позолоченными — восемь; протупей, обшитых в середине золотым газом, а по краям позументом, с пряжками и петлями медными позолоченными — восемь».

Мы можем дополнить этот реестр лишь некоторыми деталями. Офицерские знаки, сделанные в начале 1742 г., имели пунцовую бархатную подкладку. Бархат к сумам и подсумкам в документах тоже иногда называется «пунцовым». Золотые темляки (а также, по всей вероятности, и шарфы) были с примесью черного шелка. Ременная амуниция кроилась из лосиной кожи. В 1742 г. при подряде амуничных вещей для офицеров наряду с бархатом был куплен «гарнитур» (гродетур), а также «гранидор» (последним вместе с позументом обшивали перевязи). Изготовленные тогда же восемь офицерских сум обошлись в 64 рубля, столько же «лядуночных жестяных гнезд» — в два. Три рубля стоила золоченая бляха на крышке лядунки, 70 рублей — офицерский шарф.

Первое время офицеры Лейб-компании не имели огнестрельного оружия. За образцовое ружье «самой доброй и чистой работы» мастера тульских заводов приняли только в ноябре 1742 г. Через полгода, в мае 1743 г., «оной Лейб-компании на обер-офицеров шесть фузей с медными позолоченными приборами, с трехгранными позолоченными ж штыками, на стволах литеры — звание завода — вызолоченные ж, в ореховых ложах, против присланной образцовой при Сестрорецких заводах сделаны; також и к реченной образцовой [фузее] штык, каковы и у новых, приделан и вызолочен, и на стволе той образцовой фузеи литеры «Систербъкъ» насечены золотом». Каждая новая фузее сестрорецкой работы обошлась в 19 рублей 81 копейку, доработка тульской образцовой — в 3 рубля 14 копеек.

Итого, на восьмерых офицеров корпуса приходилось семь ружей. Без фузеи, как это ни странно, оставался один из подпоручиков, а не прапорщик (которому следовало бы носить знамя) или, например, адъютант (в армейской пехоте он обычно был в строю верхом). За капитаном Лейб-компании (императрицей) числился весь положенный набор предметов вооружения и амуниции. Шпаг от казны лейб-компанским офицерам не полагалось.

Портрет графа Петра Шувалова в мундире офицера Лейб-компании. 1748–1753 гг.
Гравюра с живописного оригинала Г.К. Гроота 1741 г. (ГИМ)

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

12 октября 1742 г. В распоряжение Лейб-компаниии поступили «бывшие в Турецком посольстве»¹ четыре серебряных барабана — «два драгунские и два пехотные, с государственным гербом, величиною и толщиною против полковых медных барабанов»:

«(1) Барабан пехотный серебряный; около его сверху и снизу обручи деревянные, обшиты красным бархатом, и тот бархат весь по краям обтерт. Ниже тех деревянных обручей — обручи ж железные, сверху обложены позументом золотым. При том барабане шуруп, и скобка, и кольцо, и привертка («винтик». — Авт.) у шурупа серебряные. Около того барабана натяжные шелковые белые шнуры, и у того барабана снизу и сверху две кожи барабанные, да снизу две струны. Около того ж барабана ремень лосиный, обшит красною кожею, и при нем пряжка медная с шпеньком; другой ремень лосиный же, обшит кожею ж красною и пришит к кольцу².

(2) Барабан пехотный же серебряный с вышеписанными ж приборами.

(3) Барабан драгунский серебряный; около его сверху и снизу обручи деревянные, обшиты красным бархатом, и тот бархат по краям сверху обтерт. Ниже тех обручей — обручи ж железные, сверху обложены позументом золотым. При том барабане шуруп, и скобка, и кольцо, и привертка («винтик». — Авт.) у шурупа серебряные. Около того ж барабана шнуры натяжные шелковые белые, и у того барабана сверху и снизу две кожи барабанные, да снизу две струны³.

(4) Барабан драгунский же серебряный с вышеписанными ж приборами.

На те ж барабаны 4 чехла суконные красные, подбиты белою холстиною, и верхние половинки выкладены сверху и снизу, а исподние — снизу позументом золотым и шнурком около гербов золотым же, а гербы сверху на каждом [чехле] — черные бархатные нашивные, в том числе поедены модем первый в девяти местах, второй — в восьми, третий — в десяти местах, у четвертого верхняя половинка в трех местах. И около двух чехлов у нижних половинок кругом шелковый зеленый шнур с петлями, а у двух же чехлов у нижних же половинок кругом — шелковый же голубой шнур с петлями⁴.

Четыре перевязи лосиные, выкладенные в длину по краям позументом золотым, а в середине позументом же обложены змейкою; на них пряжки с подпряжниками, и у тех пряжек у каждой по два шпенька, с запряжниками и с наконечниками, погоны и с крюками все серебряные.

К тем же перевязям четыре чехла из вошанки; под них холстинная белая подкладка, и по краям около их — шнур нитяной синий».

После того, как инструменты оказались в Лейб-компаниии, первым делом было велено «подрядить обруча тех барабанов вновь из зеленого бархату и, перево-

¹ Речь идет о воинской команде (почетном конвое) при посольстве генерал-аншефа Александра Румянцева, отправленном в Турцию для заключения мира после русско-турецкой войны 1735-1739 гг.

² Имеются ввиду ремень, «что носят барабан» (носильный), и ремень, «что поперек барабана» (поперечный).

³ Таким образом, барабан драгунского образца отличался от пехотного меньшим размером и отсутствием дополнительных ремней.

⁴ Вероятно, чехол представлял из себя как бы две корзинки, одна из которых — верхняя — почти целиком закрывала другую — исподнюю. Зеленый шнур украшал чехлы пехотных барабанов, голубой — драгунских; очевидно, он служил для соединения «половинок».

ротя, тем же позументом обшить, да и на перевязях имеющийся же позумент перевернуть, а барабаны приказать вычистить». Для каждого сделали новый носильный ремень с малой медной пряжкой, пару «токарных» барабанных палок и, видимо, только к пехотным барабанам — поперечные ремни (таких было изготовлено всего два). Деревянные обручи оклеили зеленым бархатом и кругом «по одному ярусу» (надо полагать, в один ряд) обшили узким золотым позументом. На «бунты с кистями и веревки» для стягивания обручей покупали китайский сученый шелк — белый или «какой цветом потребен будет».

Чехлы на барабаны в роте сделали из тонкого алого сукна (того же, что использовалось при мундирном «строении»). На каждый чехол «в три яруса» был нашит узкий золотой позумент и «в двух местах обшито по обе стороны позумента шнуром золотым». Черный бархатный герб — двуглавый орел — также обкладывался вокруг золотым шнуром и, видимо, еще позументом (?). Короны, скипетры и державы на гербах вышивались золотом, серебром и шелком. В перечне материалов, необходимых для изготовления чехлов, помимо алого, упоминается также сукно «другое, в выкладку, — васильковое или зеленое, какое к тому потребно будет» (возможно, этой «выкладкой», как раньше голубыми и зелеными шнурами, барабаны драгунского образца отличались от пехотных).

Уже в 1750 г. серебряные барабаны требовали значительного ремонта, а весь прибор к ним и чехлы — замены. В 1755 г. их, наконец, вычистили, выпрямили погнутые места, а заодно позолотили гербы. Обручи оклеили зеленым трипом и обшили средним золотым позументом (на все 16 аршин и шесть вершков). Носильные и поперечные ремни в этот раз сделали ко всем четырем барабанам из старых подсумочных ремней. На первых так и был оставлен старый широкий позумент, вторые — обложили новым средним (на все 11 аршин 15 вершков). К каждому носильному ремню изготовили две серебряных вызолоченных пряжки, к каждому поперечному — одну (этот ремень, кроме того, фиксировался серебряным кольцом на барабане).

Барабанные чехлы в 1755 г. по-прежнему построили из алого мундирного сукна. На каждом золотом и серебром с битью были вышиты один государственный герб и один вензель императрицы, а «около гербов» (другой вариант — «вкруг по шву») — положено два аршина и четыре вершка широкого золотого позумента. Подбой — из желтой крашенины. На каждый чехол были куплены четыре прицметальных пряжки (судя по описи 1757 г., в дело употребили только три), два с половиной аршина толстого красного нитяного шнурка и 12 прицметальных колец («на шнурках — колец по двенадцати»). Кроме того, для предохранения этих «парадных» чехлов в 1755 г. изготовили еще и «верхние» чехлы — «из черной вошанки, подложены белою крашениною, с завязки».

Что касается лосиных перевязей к серебряным барабанам — их тоже называли «парадными», — то расположение на них золотого позумента всегда оставалось неизменным: по краям и «змейкою» в середине. Периодически менялись только разновидности позумента и его количество: четыре аршина и 10 вершков узкого (1742 г.), широкий по краям и узкий в середине (1745 г.); пять аршин и два вершка среднего, три аршина и пять вершков узкого (1751 г.); средний (1755 г.), девять аршин и 13 вершков среднего (1757 г.); семь с половиной аршина среднего, четыре аршина и пять с половиной вершка узкого (1759 г.); «амуничный» (1762 г.).

Старый серебряный «перевязный прибор» — пряжки, запряжники, наконечники и крюки — в 1755 г. был вызолочен. Чехлы на перевязи традиционно шили из вощанки. Например, четыре чехла постройки 1755 г. В ведомости описаны, как черные вощаные, с белым крашенинным подбоем и «с завязки».

Итак, серебряные барабаны были парадными. Их берегли, выносили в строй только по важным поводам¹. Для повседневного же использования в Лейб-компании состояли четыре медных барабана, изготовленных в 1743 г. Конструктивно каждый такой инструмент составляли: медное кадло весом 12 фунтов, четыре обруча, пара боевых козловых кож «пергаментовой» выделки, пара струн, семь с половиной сажень посконной веревки и девять лосиных бунтов для ее стягивания, а также два «вырезных» лосиных ремня — «для носки» (носильный) и «вокруг к барабану» (поперечный).

Чехлы на вседневные барабаны — зеленые, с алой «вырезью», — строились из тонких мундирных сукон. Так, в 1744 г. на «дело чехлов» приобрели семь с половиной аршина зеленого сукна, «да для нашивки на оные чехлы гербов и вензелей и накладок» — четыре с половиной аршина алого сукна, 23 аршина белой крашенины на подбой, 11½ аршин белого шелкового галуна, 400 аршин белого шнура, 40 медных колец, сыромятные ремни, белые и красные нитки. Лосиные перевязи вседневных барабанов расшивались золотым позументом таким же манером, как перевязи парадных (вдоль краев и «змейкою» посередине); пряжка и погонный крюк на каждой перевязи были медные.

В 1755 г. вместо обветшавших медных барабанов и чехлов к ним пришлось изготовить новые. При этом изменений во внешнем виде, судя по всему, не последовало. Только относительно перевязей рассматривался вопрос — «трипом под позумент подкладывать ли, или прежним фасоном делать?» В итоге было решено вседневные перевязи, без трипа, обшить средним золотым позументом только по краям. В 1757 г. среднего позумента на одну перевязь считалось четыре аршина и шесть с половиной вершка, в 1759 г. — четыре аршина и полтора вершка. На носильные и поперечные ремни к вседневным барабанам в 1755 г. употребили ремни от старых подсумков.

Флейты также делились на парадные и вседневные — те и другие из черного пальмового дерева. Первые имели оправу из позолоченного серебра; у вторых она была костяная. Парадные флейты появились в 1755 г., хотя еще в конце 1746 г. флейтчики попросили изготовить для них подобные инструменты, как в полках лейб-гвардии. В рапорте, поданном на имя Разумовского, они объявили, что «во время де викториальных дней той же Лейб-компании барабанички обыкновенно бывають при поздравлении во дворце с барабанами серебряными, а они, флейт-

---

¹ Эти красивые инструменты стали, наверное, самым берегаемым ротным имуществом за всю историю Лейб-компании. В 1742–1743 гг. для обертыwania серебряных барабанов покупались красные коровьи войлоки и пучки тонких веревок «на увязывание оных». В дальнейшем целям обеспечения сохранности служили сундуки с оковкой. Так, два новых сундука, построенных в 1755 г., были окованы железом и выкрашены зеленой краской, с «нутрянными» (внутренними, в отличие от навесных) замками, железными скобами, засовами и ключами. Для «оклеивания в оных сундуках внутри футляров» (очевидно, каждый сундук вмещал два футляра) приобрели 11 аршин зеленого сукна и четыре красных войлока, при этом зеленое сукно шло на оклейку стенок сундука, а войлоки — непосредственно на сами футляры.

щики, — со флейтами повседневными. А в полках лейб-гвардии имеются флейты с оправою серебряною и при каждой — по одной голубой ленте, против чего следовательно де (следует. — Авт.) быть и в Лейб-компании при тех серебряных барабанах флейтам с серебряною ж принадлежащею оправою ... и к каждой по одной голубой ленте».

Подробнее представить, как они выглядели, можно, благодаря табелям гвардейских пехотных полков: «На оных флейтах оправа быть по концам серебряной, и на тех оправах вырезывать на верхнем конце имя Ее Императорского Величества в вензеле под короною, а на нижнем конце — годы, в котором [они] будут сделаны, и литеры о звании полков («П:П:», «С:П:», «И:П:». — Авт.)... При тех же флейтах ленты иметь [темно-голубые] длиною в аршин, шириною в вершок». Флейтные футляры в документах Лейб-компании не упоминаются.

За месяц до расформирования корпуса, 22 февраля 1762 г., по приказу генерал-фельдмаршала князя Никиты Трубецкого серебряные барабаны с чехлами и перевязями и парадные флейты были «внесены» к императору Петру III. Их дальнейшая судьба нам не известна.

КАВАЛЕРГАРДСКИЙ УБОР

Для сопровождения императрицы при выездах и несения службы во дворце на сержанта, вице-сержанта, трех капралов, трех вице-капралов и 60 рядовых Лейб-компании, помимо гренадерского, был построен кавалергардский или «супервестный» убор (лошадей обычно одалживали в Конной гвардии). Очевидно, уже при Петре III число кавалергардов увеличилось с 68 до 102 человек — два сержанта, два вице-сержанта, два капрала, два вице-капрала и 94 рядовых гренадера — во всяком случае, именно столько участвовало в церемонии похорон Елизаветы Петровны. За всё время существования роты кавалергардский убор, по-видимому, не менялся. Описи вещей, составленные в разные годы, почти дословно повторяют друг друга.

Вместо гренадерской шапки кавалергард носил шляпу, обложенную золотым позументом, с золотыми же петлей и пуговицей, белым «лентовым» бантом и плюмажем из алых перьев. В 1762 г. на обшивку 102 «немецких» пуховых шляп было израсходовано 218 аршин и шесть вершков широкого камзольного позумента, оставшегося от постройки обмундирования.

Поверх обычного лейб-компанского мундира кавалергард надевал алый суконный «супервес» с белой подкладкой. Края супервеста обкладывались широким и узким золотым позументом. На груди помещалась большая «звезда» (несомненно, речь идет о восьмиконечной звезде ордена Св. Андрея Первозванного), основой для изготовления которой служила серебряная ткань под названием «мор», а вышивка делалась серебряными шнуром и битью. Поверх звезды располагался государственный герб — двуглавый орел — из кофейного цвета шелка или гризета. Такая же звезда с орлом была на спине. Державы, скипетры, короны «и прочее» на них вышивались золотыми парчой, шнуром и позументом; «кресты к гербам» — голубой лентой. Кроме того, при «строении» супервестов использовались хлопчатая бумага (как основа для вышивки), медные петли и желтые нитки.

Обувью служили тупоносые сапоги с накладными раструбами и шпорами на ремнях. Сами шпоры с «острожками» (остриями) и пряжки на шпорах были медные. На колени поверх штанин накладывались белые штибель-манжеты. Словесным приказом от 14 августа 1747 г. кавалергардам на карауле велено носить «сапоги с раструбами, с медными пряжками такого цвету, как на мундирах пуговицы, а раструбы б были небольшие и у всех одинакие (одинаковые. — Авт.), а сапоги — тупоносые, как и ныне». Шпоры, изготовленные в 1762 г., были медные позолоченные. Перчатки из лосиной кожи украшал золотой позумент.

Гренадерская амуниция заменялась кавалергардской — портупей с лопастями, лядуночные ремни и, только для рядовых, «погоны» для ношения ружей (они же «ременные погоны» или «погонные ремни»). На выкройку амуниции вместо лосиной шла простая красная яловичная кожа, поскольку все ремни сплошь обшивались малиновым бархатом, а по краям — широким и узким золотым позументом (в 1742 г. широкий употребили на «погоны», узкий — на лядуночные ремни и портупей). К портупеям позумент еще отпускался «для поклажи на лопасти поперек». Патронные лядунки с крышками из красной козловой кожи также сплошь обтягивались и обклеивались малиновым бархатом; внутри у них находилась жестяная колодка, а снаружи — пара медных пряжек. Медную «доску» (бляху) на крышке лядунки в документах называют то «гербом», то «вензелем». Скорее всего, она несла на себе изображение вензеля императрицы (во всяком случае, на лядунках гвардейских гренадеров и самих лейб-компанцев был именно вензель). Весь медный прибор амуниции — пряжки, петли и наконечники портупей; пряжки, запряжники, наконечники и крюки «погонов»; пряжки и «доски» лядунок — золотился.

Конский убор, изготовленный в 1742 г., включал седло без пуков, подпругу, паперсть, пахви, черный кожаный чепрак, кожаную уздечку, обшитый холстом войлок (он же потник) из овечьей шерсти, войлочную кожу (крышку на войлок), бушмат с кожаным ремнем и «малый погонный ремень» с железной пряжкой. В 1744 г. кавалергардам были подряжены новые седла «с пристугами, с скобками, с кольцами и с пряжками, против данного ... образцового седла, из доброго товару, ничем не отменно, а ценою за каждое седло с потниками и с крышками кожаными по три рубли». Однако прежний конский убор еще долго хранился среди ротного имущества, но для отличия от вновь построенного «парадного» назывался «разъезжим» или «ветхим» и использовался, соответственно, «для разъезда» (наверное, в «походах» при сопровождении императрицы).

Сбруя образца 1744 г., судя по ведомостям, была не в пример нарядней. Помимо «замшеного» (замшевого) седла «с пуками и чехлами кожаными», ее составляли: подпруга из тесьмы с железной пряжкой, кожаные ременные паперсть и «пахви» (пахви) с медным набором, медные стремяна с ременными путлицами и железными пряжками, ременный «мундштук» (оголовье) с медным набором и полупшелковая зеленая уздечка. «Олестры» (ольстреда) с медными литыми наконечниками, крепившиеся к седлу при помощи ремней и пряжек, вмещали пару пистолетов тульской работы с шомполами и медной оправой. Другое оружие в описях кавалергардских вещей не упоминается, из чего следует, что тесаки и ружья брались от гренадерского убора (отметим также отсутствие в новой сбруе бушмата и «малого погонного ремня»). Чепраки и чушки из алого сукна украшали вышитые золотом вензеля и короны, а по краям — широкий и узкий золотой позумент, положенный в два ряда.

Кавалергардский убор не имел срока носки. Его подновляли и переделывали от случая к случаю, иногда — буквально собирали по частям, проявляя в этом деле чудеса экономии и декораторского искусства (в ход шли все остатки от мундирного и амуничного «строений»). При необходимости прибегали к экстренным мерам. Летом 1745 г., когда команду кавалергардов спешно готовили к церемонии бракосочетания великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны, в Лейб-компанию был затребован золотой позумент, подряженный для офицеров гвардейской пехоты: «...по силе де Ее Императорского Величества именного указа от трех лейб-гвардии полков, сколько имеется при оных позумента, — собрать и отдать господину генерал-лейтенанту, Лейб-компании подпоручику и кавалеру Шувалову». В августе 380 аршин «из подрядного на господ штаб- и обер-офицеров позумента» (всего от 19 человек) передал Измайловский полк, еще 300 аршин — Семеновский, 344 аршина — Преображенский. В 1762 г. для обшивки 35 новых кавалергардских лядунок с ремнями, 34 портупей и 24 погонных ремней был снят позумент со старых гренадерских перевязей, которые хранились в ротном цейхгаузе в числе старой амуниции, оставленной «для походов». Этим фактором «случайности», видимо, и объясняется большой процент «разнокалиберного» позумента на кавалергардском уборе.

Офицеры имели особый кавалергардский мундир — кафтан, камзол и штаны из малинового или пунцового бархата. В 1762 г. на постройку нового, но во всём «против прежнего», обер-офицерского мундира приобрели 14 аршин пунцового бархата, 57 аршин и шесть вершков золотого газа, «немецкую» шляпу, а к ней — белый «полимаж» и два аршина два вершка золотого газа. Из полученных материалов портным мастером Иваном Крейдаром была изготовлена одна «пара красная бархатная с выкладкою золотым позументом»¹. От себя мастер поставил 10 аршин пунцовой саржи и три аршина белого «гарнитура» (гродетур) на подкладку под кафтан и камзол, один «гарнитура» (в данном случае — комплект) золотых пуговиц, нитки и «одни золотые шлифы», оценив свои работу и приклад в 46 рублей. Три рубля «за принадлежащую к оному убору трость» взял костяных дел мастер Осип Дудин². Обошелся новый мундир в 414 рублей 26½ копеек.

В 1742 г. сапожных дел мастер Яков Бевенрот изготовил для офицеров шесть пар «кавалергардских сапогов на усах». По-видимому, сапоги шились из довольно мягкой кожи, и каркас из уса поддерживал форму голенищ.

НАГРАДЫ

После коронации Елизаветы Петровны (1742 г.) чинам Лейб-компании были розданы медали по их армейским званиям, согласно «Табели о рангах»: прапорщику — 6-го класса, сержантам — 7-го, вице-сержантам — 8-го, «а прочим унтер-офицерам и рядовым — медали того ж восьмого класса, понеже те медали сделаны

¹ «Пара» — комплект верхней одежды (кафтан, камзол и штаны).

² Имеется ввиду «жезл команды» или «команд-штаб», который кавалергардские офицеры носили в руках, как знак своего достоинства, во время церемонии коронации. В 1730 г. эти жезлы были «из гебонового дерева, оправлены по концам костью»; в 1742 г. — «из черного дерева, с вызолоченными набалдашниками и наконечниками».

только до восьми классов». Нестроевые чины роты получили серебряные жетоны, как у сержантов армейских полков, участвовавших в церемонии.

В другой раз Лейб-компанию наградили в 1747 г., когда в память торжества заключения мира со Швецией участникам войны выдавались серебряные медали. По указу от 31 марта 1747 г. такие же были пожалованы и лейб-компанцам, «в знак Ее Императорского Величества высочайшей к ним милости», поскольку, «хотя оные в тех походах и не были, но всегда при Ее Величестве службу свою отправляют». В апреле из Кабинета императрицы в ротную канцелярию поступили 11 медалей по три рубля (сержантам и вице-сержантам), две медали по два рубля 50 копеек (подпрапорщику и квартирмейстеру), 23 медали по два рубля (капралам и вице-капралам), 257 медалей по одному рублю 20 копеек (гренадерам и писарю) и 10 медалей по рублю (фельдшерам, копиистам, барабанщикам и флейтщикам).

Последней наградой корпусу стали серебряные медали, розданные участникам похорон Елизаветы, «о кончине Ее Величества для вечной памяти». Сержантам, вице-сержантам и подпрапорщику были вручены медали «против 30 червонных»; капралам, вице-капралам, гренадерам и писарю — «против 12 червонных». Барабанщики и флейтщики получили по три серебряных жетона каждый.

Елизавета Петровна скончалась 25 декабря 1761 г., и на российский престол под именем Петра III взошел выбранный ею в наследники голштинский герцог Карл Петер Ульрих. Лейб-компания надела «печальное платье». О внешнем виде этого траурного облачения сведений сохранилось мало — впрочем, и носили его совсем недолго. Словесным приказом от 11 января 1762 г. новый император велел «Лейб-компании господам сержантам печального платья не носить, а иметь на руках черный флер. Также господам капралам, вице-капралам и гранодерам иметь же на руках черный флер». В высочайшем повелении от 30 января говорилось, что унтер-офицеры вместо черных камзолов и штанов должны ходить «в строевом мундире». Во время «печальной процессии погребения» 185 гренадеров, 102 кавалергарда и адъютант в кавалергардском уборе Лейб-компании шли с черными флерами на шапках, шпагах и руках.

Лейб-компания ненадолго пережила своего капитана. Указом от 21 марта 1762 г. рота была расформирована. Штатс-контора приняла в свое ведение ее денежную казну, Ревизион-контора — счета, приходные и расходные книги; комиссия обер-штер-кригс-комиссара Данилы Мерлина — амуницию, Святейший Синод — церковь, цейхгауз Оружейного ведомства — ружья, Санкт-Петербургский арсенал — знамя, архив Военной коллегии — дела канцелярии, Конюшенное ведомство — коляски, сани и прочую упряжь. Большинство чинов корпуса отставили с повышением (в мундирах и при шпагах), немногих — определили в армию или на гражданскую службу.

Роспуск Лейб-компания, «славной» отсутствием дисциплины, пьянством и полным набором уголовных дел, сам по себе мало кого мог бы огорчить. Однако при той ситуации, которая в начале 1762 г. сложилась в столице, упразднение Лейб-компания расценили как первый шаг к замене русских гвардейских полков голштинскими войсками. Стремительно терявший популярность Петр III получил еще несколько сот недовольных и готовых к возмущению дворян...

Авторы благодарят Курмановского В.С. за консультацию по холодному оружию XVIII в.; Вальковича А.М. – за предоставленные изобразительные материалы.

- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.13. Письменные и словесные приказы по Лейб-компани за 1741–1745 гг.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.14. Письменные и словесные приказы по Лейб-компани за 1745–1751 гг.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.15. Письменные и словесные приказы по Лейб-компани за 1751–1755 гг.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.22. Письменные и словесные приказы по Лейб-компани за 1755–1756 гг.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.119. Журнал исходящих ордеров Лейб-компани за 1762 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.220. Журнал словесных приказов Лейб-компани за 1762 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.12. Книга дел по Лейб-компани за 1742 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.24. Книга дел по Лейб-компани за 1743 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.25. Книга дел по Лейб-компани за 1744 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.26. Книга дел по Лейб-компани за 1745 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.28. Книга дел по Лейб-компани за 1747 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.29. Книга дел по Лейб-компани за 1748 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.30. Книга дел по Лейб-компани за 1749 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.35. Книга дел по Лейб-компани за 1754 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.37. Книга дел по Лейб-компани за 1756 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.40. Книга дел по Лейб-компани за первую половину 1759 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.41. Книга дел по Лейб-компани за вторую половину 1759 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.42. Книга дел по Лейб-компани за 1760 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.141. Книга дел по Лейб-компани за 1762 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.44. Рапорты и прошения служащих Лейб-компани на имя капитан-поручика графа Разумовского А.Г. за 1745 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.45. Рапорты и прошения служащих Лейб-компани на имя капитан-поручика графа Разумовского А.Г. за 1746 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.123. Рапорты и прошения служащих Лейб-компани на имя капитан-поручика графа Разумовского А.Г. за 1748 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.124. Рапорты и прошения служащих Лейб-компани на имя капитан-поручика графа Разумовского А.Г. за 1749 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.125. Рапорты и прошения служащих Лейб-компани на имя капитан-поручика графа Разумовского А.Г. за 1750 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.126. Рапорты и прошения служащих Лейб-компани на имя капитан-поручика графа Разумовского А.Г. за 1752 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.127. Рапорты и прошения служащих Лейб-компани на имя капитан-поручика графа Разумовского А.Г. за 1753 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.129. Рапорты и прошения служащих Лейб-компани на имя капитан-поручика графа Разумовского А.Г. за 1755 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.137. Дело об изготовлении обмундирования и амуниции для Лейб-компани, февраль 1751 г. – 18 декабря 1761 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.153. Дело об изготовлении ружей и шпаг для Лейб-компани, 16 ноября 1755 г. – 22 июля 1760 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.174. Дело об изготовлении обмундирования и амуниции для Лейб-компани, 15 января 1759 г. – 20 апреля 1760 г.
- РГВИА. Ф.32. Оп.1. Д.180. Дело об изготовлении кавалергардского убора для Лейб-компани, 9 января – 3 февраля 1762 г.

- Висковатов А.В. Краткая история Кавалергардского Ее Величества полка. СПб., 1832.
- Данилов М.В. Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762). // Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л., 1991.
- Егоров В.И. Серебряные барабаны Турецкого посольства 1740. Рукопись. М., 1990.
- Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. СПб., 1899. Ч.3.
- История кавалергардов и Кавалергардского Ее Императорского Величества полка с 1742 по 1-е июля 1851 года. СПб., 1851.
- Манштейн Х.Г. Записки о России. // Перевороты и войны. М., 1997.
- Описание коронации государыни императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1744.
- Панчулидзева С.А. История кавалергардов. 1724–1799–1899. СПб., 1899–1901. Т.1–2.
- Сборник Русского Исторического общества. Т.91. СПб., 1894.

**Одна из многочисленных гренадерских шапок середины XVIII в.,
приписываемых Лейб-компании**